

Ю.Г.Коргунюк
**СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
КАК МИФ И ПОВЕСТКА**

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка взглянуть на тему советского прошлого с точки зрения политического мифотворчества. Согласно исходной посылке исследования, любая идеология в восприятии массового сознания представляет собой прежде всего набор мифов. Одновременно предполагается, что мифы наиболее действенны, когда остаются имплицитными и влияют на массовое сознание не напрямую, а в фоновом режиме. При экспликации они подвергаются массивной критике и становятся менее убедительными для значительной части аудитории.

Отмечается, что на протяжении почти всего постсоветского периода тема советского прошлого присутствовала в межпартийной дискуссии больше в качестве фона и поэтому выступала главным образом как мифология. Ее присутствие выливалось в основном в противостояние между коммунистами и остальной частью политического спектра («коммунисты против всех»). В период с 1993 по 2003 г. такое противостояние оказывало существенное влияние на массовое политическое сознание и занимало в нем как минимум второе место.

С 2010-х годов на смену этому противостоянию пришло другое — «все против либералов», проявившееся в том числе в дискуссии по вопросам советского прошлого. Неся на себе отпечаток имперско-патриотической мифологии, оно не было явно эксплицированным, а на уровне политической повестки камуфлировалось тематикой советского прошлого. Превращение последней из «мифа» в «повестку» ставило советскую мифологию под огонь критики, выводя из-под удара мифологию имперско-патриотическую.

Ключевые слова: политические мифы, советское прошлое, политическая повестка, факторный анализ, избирательные кампании

Присущее человеку стремление заглянуть в будущее практически всегда оборачивается попыткой заместить его идеализированным и мифологизированным прошлым.

В этом нет ничего удивительного, поскольку порождение мифов — это то, что нашему сознанию удается лучше всего. Как отмечал Алексей Лосев, мифотворчество охватывает самые разные области умственной деятельности — религию, искусство, науку¹. Казалось бы, одна из целей науки — демифологизация знания, однако, сознательно разрушая одни мифы, наука попутно порождает массу новых, которые не осознаются в качестве таковых лишь потому, что не успели подвергнуться рефлексии.

¹ Лосев 2001: 128.

² «Миф вообще исключает неразрешимые проблемы и стремится объяснить трудно разрешимое через более разрешимое и понятное» (Мелетинский 2008: 419).

Мифотворчество — неотъемлемое свойство сознания, которое вообще склонно объяснять бесконечное конечными средствами². Это относится даже к научному сознанию и уж тем более — к сознанию массовому, которое за пределами обыденного опыта в принципе не способно оперировать чем-то кроме мифов. По справедливому замечанию Сергея Неклюдова, «неправильно полагать, что массовое сознание (которое скорее должно бы называться „массовым подсознанием“) мифологизируется только в новейшее время — оно вообще мифологично по своей природе»³.

³ Неклюдов 2000.

Вместе с тем у современных мифов есть свои особенности. Вот как описывает их Андрей Топорков: «1. В традиционных мифах объектом мифологизации являются боги, культурные герои или предки, в мифах XX в. — реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого. 2. Политические мифы не наследуются из глубины веков, но создаются определенными людьми или группами людей. Эти люди опираются на научные теории своего времени, стремятся придать политическим мифам видимость правдоподобия и наукообразия. Другой вопрос, что миф начинает со временем существовать независимо от его создателей и сами они могут пасть его жертвами. 3. Политические мифы, в отличие от мифов архаических, распространяются не устным или рукописным путем, а главным образом через средства массовой информации»⁴.

⁴ Топорков 2003.

Не претендуя на охват всего комплекса теоретических наработок в области исследования политических мифов и мифологий⁵, попробуем сформулировать несколько тезисов о роли мифов в современном массовом политическом сознании (оговоримся, что это скорее вольная импровизация, чем претензия на теоретическое обобщение).

⁵ Подробнее о разработке проблемы см. Шестов 2005; Малинова 2015.

Очень сильно упрощая, миф можно назвать объяснительной конструкцией, одно из предназначений которой — заслонить собой пространство неизвестного и защитить сознание от дискомфорта, создаваемого наличием гигантских «дыр» и «серых зон» в картине мира. Миф — это нечто вроде раковины, ограждающей нежное тело моллюска от враждебной внешней среды. В противоположность самому организму (сознанию), эта раковина состоит из омертвевшей шелухи и именно поэтому способна защитить сознание.

Мифу присущи следующие черты.

1. *Простота, доступность для понимания обыденным сознанием.* Даже создаваемые учеными мифы вполне понятны широкой ауди-

тории. По большей части они возникают в результате не подвергнутого рефлексии неправомерного обобщения. В качестве примера такого мифа в области политического знания можно привести представление о том, что предприниматели в своей массе склонны к поддержке идей либеральной демократии, а рабочие и интеллигенция — социалистических идей. Да, в определенной ситуации — в определенных странах и в определенный период — это может как-то соответствовать действительности. Но как только выясняется неправомерность возведения частного случая в общее правило, становится очевидным и мифологический характер подобного рода представлений, обладавших некогда статусом непреложных фактов.

С доступностью для массового сознания связано и такое качество мифа, как *нарративность*, *повествовательность*⁶, придающие ему характер упрощенного и драматического рассказа⁷. И правда, массовое сознание любит описывать мир посредством немудреных историй. Однако если для мифов более ранних эпох это справедливо почти без оговорок, то сегодняшние мифы далеко не всегда принимают повествовательную форму⁸ и отличаются большим жанровым разнообразием — от конспирологических теорий до перлов из рубрики «всякая всячина» («британские ученые доказали...»).

2. *Непротиворечивость и очевидность для тех, кто находится «внутри» данного мифа.* Конечно, противоречия и когнитивная несостоятельность «чужого» мифа очевидны для внешнего наблюдателя. Но для вжившихся в миф это «наиболее яркая и самая подлинная действительность»⁹, «констатация „естественного порядка вещей“»¹⁰. И никакие логические доводы и эмпирические доказательства не в состоянии разрушить это ощущение подлинной действительности, поскольку они касаются лишь когнитивной, то есть не самой важной, составляющей мифа. Человек, верящий в тот или иной миф, способен достаточно легко отказаться от ряда фактических деталей мифологической конструкции, сохранив при этом верность его ценностной основе.

⁶ Лосев 2001: 36.

⁷ Малинова 2015: 19.

⁸ Лосев 2001: 36.

⁹ Малинова 2015: 19.

¹⁰ Малинова 2015: 19.

¹¹ Топорков 2003.

NB! Сошлемся здесь, в частности, на мнение Топоркова, согласно которому «своеобразный конфликт внешнего и внутреннего восприятия мифа обусловлен тем, что сторонний наблюдатель видит несоответствие мифа реальности, носитель же традиции не сравнивает миф с реальностью, а стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность. Последней еще предстоит уподобиться мифу; она еще просто недостаточно совершенна для этого. В пределе миф упраздняет реальность и создает на ее месте новую, куда более совершенную и привлекательную»¹¹.

3. *Безусловное доминирование ценностной основы мифа над фактической.* Миф — это прежде всего ценностное отношение, установка и только во вторую очередь фактологическая конструкция. «По-

знание вообще не является ни единственной, ни главной целью мифа. Главная цель — поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка», — констатирует Елеазар Мелетинский¹². Как подчеркивают Кьяра Боттичи и Бенуа Шаллан, миф, в том числе политический, «не научная гипотеза, а скорее выражение решимости действовать»¹³.

Рефлексия способна обнаружить несостоятельность мифа как когнитивной конструкции, но бессильна что-либо сделать с его ценностной основой. Так, новость откуда взявшийся миф о том, что Аляску Америке передала Екатерина II, достаточно легко опровергается простейшим наведением справок, однако это опровержение никак не касается установки, согласно которой приобретение территории — несомненное благо, а ее отторжение (пусть даже добровольное) — столь же несомненное зло. В результате миф возрождается в новой «фактической» оболочке — в виде истории о потонувшем корабле, на котором везли золото, полагавшееся за проданную в 1867 г. Аляску.

4. *Психологическая комфортность и даже лестность для разделяющего миф индивида.* Если исходить из того, что мифология «служит гармонизации представлений об окружающем мире и месте в нем человека»¹⁴, можно сказать, что миф призван защитить человека от ужаса перед бездной. По замечанию Давида Гигаури и Владимира Гуторова, мифологизация «предлагает массовому сознанию концептуальные ориентиры, которые помогают справиться со страхами и неопределенностью в лице всякого рода угроз, особенно в периоды нестабильности и кризиса»¹⁵.

Сама по себе понятность такой психологической защиты не создает. Последняя возникает только в том случае, если конструкция мифа порождает у индивида ощущение, что он находится как минимум на правильной стороне в борьбе добра и зла, а еще лучше — практически в авангарде этой борьбы и может без лишних размышлений отринуть наветы врагов и недоброжелателей, ставящих под сомнение верность его картины мира.

5. *Существование множества мифов*¹⁶, некоторые из которых составляют пары — мифы и контрмифы, — являясь практически зеркальным отражением друг друга. Так, в религии понятие Бога неизбежно порождает понятие анти-Бога (дьявола), а практика молитвы — практику богохульства. Если в сфере массового сознания кто-то говорит «да», обязательно найдется тот, кто скажет «нет», породив спор, не имеющий никаких шансов преобразоваться в плодотворную дискуссию, но позволяющий самоутвердиться каждому из участников.

Контрмифы способствуют в том числе выстраиванию психологической защиты от покушений на истинность мифа, объясняя эти покушения злокозненностью покусившегося. Скажем, в споре о справедливости (благотворности) прогрессивной шкалы подоходного налога ее приверженцам очень удобно считать своих противников «жмотами» и «эгоистами», а противоположной стороне видеть в оппонентах «завист-

¹² Мелетинский 2008: 419—420.

¹³ Bottici and Challand 2006: 316 (цит. по: Гончарик 2009: 84).

¹⁴ Мелетинский 2008: 426.

¹⁵ Гигаури и Гуторов 2017: 30.

¹⁶ «В современности существует не одна мифология, а множество мифов и мифологий, причем продолжительность их существования может быть весьма незначительной: они возникают, конфликтуют друг с другом и столь же быстро исчезают или трансформируются во что-то иное» (Топорков 2003).

ников» и «лентяев». На деле же имеет место столкновение двух систем ценностей — эгалитаристской и индивидуалистической (меритократической), — каждая из которых базируется на собственной мифологии.

Отсюда мы легко переходим к заключению, что борьба идеологий, по сути, есть борьба мифологий. Если в случае элит идеология «обычно связывается с относительной системностью (идей, убеждений), способностью выражать „перспективу“ отдельных социальных групп и (псевдо)логическим форматом представления»¹⁷, то в массовом сознании она пребывает в виде набора мифов, преподносящих то же самое как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное. Сомнения в фактической достоверности идеологий не мешают их успеху в качестве мифологий, основанных на определенных ценностных установках. Политическая борьба опирается не на научную состоятельность доказательств, а на их психологическую убедительность для той или иной группы населения, для которой главным аргументом в конечном счете становится ценностная близость соответствующих установок.

¹⁷ Малинова 2015: 15.

NB! По мнению Николая Шестова, «идеология есть получивший санкцию политического института (или исследователя, обозначающего конкретный мыслительный стереотип как идеологему) политический миф или, точнее, частная комбинация политических мифов в рамках политико-мифологического поля данного общества»¹⁸.

¹⁸ Шестов 2005: 95.

6. *Хрупкость и быстрая изнашиваемость.* Как справедливо отмечал Лосев, «наука никогда не может разрушить мифа»¹⁹ (в том числе потому, что атакует исключительно его внешнюю, фактологическую оболочку, а не внутреннюю ценностную суть), однако навязчивая эксплуатация тех или иных мифов, превращающая их в элемент политической повестки, способна снизить их убедительность для значительной части аудитории. Использование мифа в качестве политического инструмента неизбежно порождает критику и ведет к выявлению его слабых мест, что в свою очередь оставляет в числе сторонников данного мифа лишь самых верных адептов и отсеивает случайных попутчиков, при любых раскладах обычно составляющих большинство.

¹⁹ Лосев 2001: 46.

Профессиональным политикам это хорошо известно. Именно поэтому и возникли политтехнологии — своего рода техника безопасности при эксплуатации мифов как средства привлечения симпатий избирателей. Политические мифы хорошо работают, когда не подставляются под критику. Они более эффективны, если идут фоном, а не применяются в качестве тарана. Их прямое использование приводит к быстрому изнашиванию и необходимости искать замену в условиях острого дефицита времени. Это тем более непросто, если учесть, что миф — это, по словам Лосева, не выдумка, не фикция и не фантастический вымысел²⁰ и создается он, как правило, не намеренно, а мимоходом, в качестве побочного продукта деятельности сознания.

²⁰ Там же: 35.

²¹ Коргунок 2023.

На все эти мысли нас натолкнуло исследование места тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии на выборах в современной России²¹. Вопросы советского прошлого занимали довольно скромное место в повестке подавляющего большинства думских кампаний. Тем не менее в 1993—2003 гг. размежевание избирателей по вопросу об отношении к этому прошлому играло весьма заметную роль, причем на выборах 1993 и 1995 гг. — едва ли не решающую.

Да и на выборах 2016 г., на которых данная тематика почти отсутствовала, отношение к советскому прошлому в большей степени окрашивало второе по значимости электоральное размежевание, нежели противостояние по социально-экономическим вопросам. И наоборот: на выборах 2021 г. тематика советского прошлого была представлена намного богаче, чем во всех предыдущих кампаниях, однако размежевание по соответствующим вопросам растворялось в иных, более широких противостояниях. Другими словами, тематика советского прошлого работала гораздо лучше, когда оставалась на периферии сознания, то есть была мифом, и утрачивала значительную часть своей силы, будучи повесткой.

²² Gel'man and Obydenkova 2024.

В связи с этим у нас родилось подозрение, что педалирование повестки советского прошлого явилось сознательным политтехнологическим ходом, целью которого было отвести критику от другого мифа — имперско-патриотического, который, во многих чертах пересекаясь с советским, совпадает с ним лишь частично. Вполне соглашаясь с Владимиром Гельманом и Анастасией Обыденковой в том, что власти приложили немало усилий к построению образа «хорошего Советского Союза», чьи «положительные» стороны (иерархическая система управления, низкий уровень циркуляции элит и их привилегированный статус, государственный контроль над СМИ, репрессии против организованного инакомыслия) удивительно схожи с качествами нынешнего политического режима²², отметим, что такие усилия вознаграждаются именно тогда, когда осуществляются ненарочито, как бы вскользь. Если некие представления и настроения демонстративно выпячиваются, это вызывает отторжение у определенной части общества и, как результат, критику, способную повредить убеждающей силе мифа.

Поскольку советский миф в массовом политическом сознании связан прежде всего с коммунистами, они и принимают на себя главный удар критики. Миф же имперско-патриотический остается в тени и избегает прямого ущерба.

²³ Коргунок 2023.

Чтобы проверить эту гипотезу, мы немного изменили методику, определяющую место тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии.

Методология исследования

Напомним, что в упомянутом выше исследовании²³ отслеживались позиции всех значимых участников выборов по вопросам советского прошлого от одной избирательной кампании к другой. Поскольку

участников было много, а вопросов, как правило, мало, для выявления основных противостояний в данной области была задействована Q-техника факторного анализа (линейная комбинация объектов) вместо более эффективной, на наш взгляд, R-техники (линейной комбинации признаков).

При Q-технике переменными (variables) выступают позиции партий (issue positions), а случаями (cases) — участвующие в дискуссии партии; R-техника, наоборот, роль переменных отводит партиям, а роль случаев — вопросам. Преимущество R-техники заключается в том, что на выходе она дает более сложную картину политических измерений (dimensions). Однако для ее использования необходимо, чтобы число вопросов, по которым ведется дискуссия, значительно превышало количество участников таковой. Это условие не выполнялось даже для думской кампании 2021 г. — число затрагивавших тему советского прошлого вопросов (19) в ней лишь немного превосходило число участников выборов по партийным спискам (14). На всех остальных выборах соотношение переменных и случаев было и вовсе неподходящим.

Проведенные в соответствии с Q-техникой расчеты показали, что во всех избирательных кампаниях — с 1993 по 2021 г. — в дискуссии по вопросам советского прошлого доминировало противостояние коммунистов и антикоммунистов («коммунисты против всех»), причем в 1993—2011 гг. оно было единственным. Начиная с 2016 г. к нему добавилось еще одно измерение, сгенерированное особой позицией ЛДПР, которая по одним вопросам советского прошлого примыкала к либералам, по другим — к коммунистам²⁴.

²⁴ Коргунок 2023.

Но если сократить число переменных (то есть участников дискуссии) и увеличить число вопросов, то появляется возможность использовать R-технику факторного анализа. Сокращение числа участников можно осуществить путем объединения партий в крупные идеологические семьи. В конце концов, не так важно, какие именно партии и блоки представляли на конкретных выборах то или иное идейно-политическое направление, важно, чтобы их позиции были более или менее постоянными.

Таких семей было выделено пять: 1) коммунисты и их сателлиты; 2) либералы; 3) «партия власти» и центристы; 4) государственники и националисты; 5) социал-популисты. В эту типологию, правда, не вписываются всякого рода маргиналы вроде некоммунистических социалистов, экологов и пр., но в связи с мизерностью полученных ими голосов их можно либо отнести к одной из групп (семей), либо исключить из анализа.

В группу «коммунисты и их сателлиты» вошли партии, которые либо сами идентифицировали себя в качестве коммунистов, либо придерживались соответствующих позиций по ряду ключевых моментов — во-первых, отдавали предпочтение государственно-плановой экономике перед рыночной; во-вторых, подчеркивали свои симпатии к советскому периоду истории страны. Сателлитами коммунистов в разное

время были Аграрная партия России и прочие коллективные члены Народно-патриотического союза России (1996—2004 гг.).

К группе «либералы» отнесены партии и объединения, декларировавшие приверженность принципам рыночной экономики и приоритета прав человека перед полномочиями государства. Все без исключения организации данного типа рассматривали советский период преимущественно в негативном ключе, делая акцент на отрицательных сторонах советской модели.

Группа «„партия власти“ и центристы» объединила организации, которые в 1990—2010-х годах колебались между реформистским и антиреформистским полюсами политического спектра. Не отрицая необходимости либеральных рыночных реформ и приоритета прав человека, они выступали за учет интересов пострадавших от этих реформ, а также агитировали за расширение полномочий государства в экономической и политической областях. В 1990-е годы большая часть представителей этой группы находилась в умеренной оппозиции к президенту Борису Ельцину и формируемым им правительствам. Исключение составляли разные вариации «партии власти», которые, с одной стороны, создавались для поддержки исполнительных органов, а с другой, по своим программным установкам были ближе к центристам, нежели к либеральным реформистам. В 2000-е годы центристы исчезли как самостоятельное течение, растворившись в «партии власти». Тематика советского прошлого представителей указанной группы интересовала мало, а их позиции по конкретным вопросам определялись в основном конъюнктурой.

Группу «государственники и националисты» составили партии и организации, отстаивавшие приоритет интересов государства (нации) перед правами отдельного индивида. В экономической сфере они придерживались умеренно антирыночных позиций, не испытывая вместе с тем особого пиетета к советским хозяйственным практикам и считая целесообразным заимствование из них лишь отдельных элементов. Общим и главным для этой группы была приверженность жесткой внешней политике, особенно на постсоветском пространстве — здесь ее представители претендовали на статус защитников прав «соотечественников», под которыми понималось русское и русскоязычное население бывших советских республик. Сколько-нибудь выраженного единства по поводу советского прошлого в данной группе не прослеживалось: одни высказывались в адрес советской модели скорее критически, другие, напротив, не без симпатии. Однако всех их объединяло подчеркивание преемственности между Российской империей, СССР и Российской Федерацией.

Наконец, группа «социал-популисты» — это партии и организации, фокусирувавшие внимание на необходимости скорейшего решения острых социальных проблем, причем любыми способами. Вопросы экономики и политического устройства играли в их риторике подчиненную роль; декларировалась готовность пожертвовать любыми

экономическими и политическими моделями ради достижения провозглашаемых целей. Предпочтение при этом отдавалось популистским лозунгам и рецептам. Единства в отношении советского прошлого в этой группе тоже не наблюдалось, да и сама эта тематика была глубоко периферийной.

Отнесенные к указанным семьям партии придерживались достаточно близких позиций по отношению к советскому прошлому. Когда расхождения все-таки имели место, для каждой избирательной кампании выводилась средняя оценка с учетом политического веса участников, вычисляемого в соответствии с числом полученных на выборах голосов.

Что же касается случаев (вопросов), то их число было увеличено путем разведения данных по разным избирательным кампаниям. В связи с тем, что дополнительное измерение в пространстве дискуссии по вопросам советского прошлого появилось только в 2016 г., постсоветский период был разбит на два этапа — 1993—2011 и 2016—2021 гг., а позиции идейно-политических семей фиксировались по каждой кампании. Тем самым было обеспечено условие, необходимое для надежности результатов факторного анализа: число случаев (вопросов) превосходит число переменных (партий) в несколько раз.

**Анализ
пространства
межпартийной
дискуссии
по вопросам
советского
прошлого**

Прежде всего определимся с распределением основных участников выборов 1993—2021 гг. по перечисленным выше идейно-политическим семьям. Их типология представлена в *табл. 1*.

Более или менее устойчивые позиции по вопросам советского прошлого занимали только две семьи — коммунисты и либералы. У остальных они колебались, в том числе из-за смены участников, изменения конъюнктуры и просто импровизаций главных спикеров — например, Владимир Жириновский в ходе одного выступления мог несколько раз развернуться на 180 градусов.

Впрочем, вплоть до 2011 г. это действительно были скорее колебания, тем более что в избирательных кампаниях 1993—2011 гг. тематика советского прошлого всплывала нечасто. Всего за это время дискуссии велись примерно по восьми вопросам, однако с учетом количества кампаний, в ходе которых они поднимались, число случаев возрастает до 19, что дает хорошую пропорцию между случаями и переменными (см. *табл. 2*).

Факторный анализ позиций различных идейно-политических семей по вопросам советского прошлого выявил два основных размежевания: 1) между коммунистами и антикоммунистами (прежде всего либералами); 2) между правыми и левыми популистами (государственниками и националистами, с одной стороны, и социал-популистами, с другой). Причем доминирование первого размежевания над вторым было безусловным — 61,92 против 22,42% объясненной дисперсии (см. *табл. 3*).

Таблица 1 Участники избирательных кампаний 1993–2021 гг. по основным идейно-политическим семьям (начало)

	<i>Коммунисты и их сателлиты</i>	<i>Либералы</i>	<i>«Партия власти» и центристы</i>	<i>Государственники и националисты</i>	<i>Социал-популисты</i>
1993	КПРФ; Аграрная партия России	«Выбор России»; «Яблоко»; Российское движение демократических реформ	Партия российского единства и согласия; Демократическая партия России; «Женщины России»; «Гражданский союз»; Конструктивно-экологическое движение России «КЕДР»; «Будущее России — Новые имена»	ЛДПР	«Достоинство и милосердие»
1995	КПРФ; «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз»; Аграрная партия России; «Власть — народу!»	«Яблоко»; «Демократический выбор России — Объединенные демократы»; «Вперед, Россия!»; Памфилова — Гуров — Лысенко (РПРФ)	«Наш дом — Россия»; Блок Ивана Рыбкина; «Женщины России»; «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда»; Российская экологическая партия «Зеленые»	ЛДПР; «Конгресс русских общин»; Социально-патриотическое движение «Держава»	Партия самоуправления трудящихся
1999	КПРФ; «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз»	Союз правых сил; «Яблоко»	«Единство»; «Отечество — Вся Россия»; «Наш дом — Россия»; «Женщины России»	Блок Жириновского	Партия пенсионеров
2003	КПРФ	«Яблоко»; Союз правых сил	«Единая Россия»; Народная партия РФ	ЛДПР; «Родина»	Аграрная партия России; Российская партия пенсионеров — Партия социальной справедливости; Партия возрождения России — Российская партия жизни; Концептуальная партия «Единение»

Таблица 1 Участники избирательных кампаний 1993–2021 гг. по основным идейно-политическим семьям (окончание)

	<i>Коммунисты и их сателлиты</i>	<i>Либералы</i>	<i>«Партия власти» и центристы</i>	<i>Государственники и националисты</i>	<i>Социал-популисты</i>
2007	КПРФ	«Яблоко»; Союз правых сил; «Гражданская сила»; Демократическая партия России	«Единая Россия»; Аграрная партия России	ЛДПР	«Справедливая Россия»; «Патриоты России»; Партия социальной справедливости
2011	КПРФ	«Яблоко»; «Правое дело»	«Единая Россия»	ЛДПР	«Справедливая Россия»; «Патриоты России»
2016	КПРФ; «Коммунисты России»	«Яблоко»; Партия народной свободы; Партия роста; «Гражданская платформа»; «Гражданская сила»	«Единая Россия»; Российская экологическая партия «Зеленые»	ЛДПР; «Родина»	«Справедливая Россия»; «Патриоты России»; Российская партия пенсионеров за справедливость
2021	КПРФ; «Коммунисты России»	«Яблоко»; «Новые люди»; Партия роста; «Гражданская платформа»	«Единая Россия»; Российская экологическая партия «Зеленые»	ЛДПР; «Родина»	«Справедливая Россия — Патриоты — За Правду»; Российская партия пенсионеров за социальную справедливость; Российская партия свободы и справедливости

Таблица 2 Позиции идейно-политических семей по вопросам советского прошлого в ходе думских кампаний 1993–2011 гг. (с факторными оценками вопросов)

	Коммунисты и их семьи	Либералы	«Партия власти» и центристы	Государственные чиновники и националисты	Социал-популисты	Фактор-1 Коммунисты — антикоммунисты	Фактор-2 Правые — левые популисты
Отношение к советскому прошлому (1993)	4	-5	-2	-3	0	-0,194	0,322
Отношение к советскому прошлому (1995)	4	-5	-2	-3	-3	-0,250	-1,182
Отношение к советскому прошлому (1999)	5	-5	-2	-5	3	-0,338	2,059
Отношение к советскому прошлому (2003)	5	-5	-2	-1	0	-0,148	0,080
Отношение к советскому прошлому (2007)	3	-5	-4	-2	1	-0,317	0,595
Отношение к советскому прошлому (2011)	5	-5	-3	-4	1	-0,454	0,879
Отношение к распаду СССР (1993)	-4	1	-2	-4	0	0,860	0,569
Восстановление СССР (1995)	5	-5	-3	-2	-1	-0,368	-0,361
Восстановление СССР (1999)	4	-5	-4	4	-3	-0,099	-2,128
Отношение к СССР (2007)	5	-4	-3	-4	1	-0,371	0,894
Восстановление советской власти (1995)	5	-5	-4	-4	-2	-0,651	-0,683
Восстановление советской власти (1999)	4	-5	-5	-5	-3	-0,795	-1,119
Восстановление советской власти (2003)	5	-5	-5	-5	-3	-0,872	-1,124
Перезахоронение тела Ленина (1999)	-5	4	0	5	0	2,024	-0,334
Перезахоронение тела Ленина (2007)	-5	5	3	5	-1	2,509	-0,648
Отношение к Сталину (1999)	5	-5	-4	-5	0	-0,675	0,439
Отношение к Сталину (2007)	5	-5	-4	-5	-1	-0,694	-0,063
Отношение к событиям августа 1991 г. (1999)	-5	5	1	-5	0	1,630	0,924
Отношение к Октябрю 1917 г. (2007)	5	-5	-5	-5	1	-0,797	0,882

Таблица 3 Факторы размежевания по вопросам советского прошлого между идейно-политическими семьями в думских кампаниях 1993–2011 гг.

Variable	Factor Loadings (Unrotated) Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)	
	Factor 1	Factor 2
Коммунисты и их сателлиты	-0,945	-0,023
Либералы	0,960	0,061
«Партия власти» и центристы	0,918	0,137
Государственники и националисты	0,654	-0,455
Социал-популисты	0,098	0,944
Expl.Var	3,096	1,121
Prp.Totl	61,92%	22,42%

Судя по максимальным модульным значениям факторных оценок (см. *табл. 2*), наибольший раскол между коммунистами и либералами вызывало отношение к перезахоронению тела Ленина и событиям августа 1991 г., а между правыми (государственниками и националистами) и левыми популистами — отношение к советскому прошлому и необходимости восстановления СССР (1999 г.).

В 2016–2021 гг. ситуация существенно изменилась: на первое место выдвинулось противостояние между либералами и всеми остальными идейно-политическими семьями; размежевание между коммунистами и антикоммунистами отошло на второй план с большим отрывом от лидера — 29,54 против 52,25% объясненной дисперсии (см. *табл. 4*).

Главными пунктами расхождения между либералами и всеми остальными были отношение к перестройке, Горбачеву и разрушению СССР, недопустимость отождествления коммунистических и фашистских режимов, «фальсификация истории Западом», преемственность РФ по отношению к СССР. Применительно к коммунистам и антикоммунистам такими пунктами были восстановление памятника Дзержинскому, переименование Волгограда в Сталинград, отношение к Октябрю 1917 г., увековечение памяти Сталина, перезахоронение тела Ленина, отношение к празднику День России, смена географических названий, связанных с советским прошлым (см. *табл. 5*).

Таким образом, можно констатировать, что начатый в 2012–2013 гг. «партией власти» перехват левой повестки значительно реструктурировал пространство межпартийной дискуссии по вопросам совет-

Таблица 4 Факторы размежевания по вопросам советского прошлого между идейно-политическими семьями в думских кампаниях 2016–2021 гг.

Variable	Factor Loadings (Unrotated) Extraction: Principal components (Marked loadings are >0,700000)	
	Factor 1	Factor 2
Коммунисты и их сателлиты	0,794	-0,596
Либералы	-0,772	0,626
«Партия власти» и центристы	0,645	0,510
Государственники и националисты	0,595	0,585
Социал-популисты	0,784	0,357
Expl.Var	2,612	1,477
Prp.Totl	52,25%	29,54%

ского прошлого. Если прежде доминировало противостояние коммунистов и антикоммунистов («коммунисты против всех»), то теперь на роль доминирующего выдвинулось противостояние «все против либералов».

Разумеется, в большинстве избирательных кампаний тематика советского прошлого не присутствовала в дискуссии в четко оформленном виде и заходила в политическую повестку «боком». Интерес к ней то оживлялся, то падал, чаще всего он был не явным, а фоновым, описанные же выше идейно-политические семьи на деле были довольно размытыми и неустойчивыми из-за нетвердости и неоднозначности позиций некоторых их членов. Но все это по меньшей мере не противоречит гипотезе, согласно которой советское прошлое гораздо успешнее раскалывало постсоветское общество, когда присутствовало в массовом политическом сознании в фоновом режиме, в качестве мифа. Стоило ему эксплицироваться, превратиться из мифа в повестку, и противостояние между адептами и критиками советского прошлого отошло на второй план, выступив в качестве прикрытия для другой мифологии, которую можно обозначить как имперско-патриотическую.

Эта мифология местами просвечивала и сквозь советскую, но критические удары, наносимые по последней, не приносили ей особого ущерба. Да и те, что доставались имперско-патриотическим мифам, большей частью принимала на себя ЛДПР, тогда как эксплуатировавшая советскую повестку власть получала от этого маневра максимум выгоды и минимум издержек.

Таблица 5 Позиции идейно-политических семей по вопросам советского прошлого в ходе думских кампаний 2016–2021 гг. (с факторными оценками вопросов)

	Коммунисты и их сателлиты	Либералы	«Партия власти» и центры	Государственные и националисты	Социал-популисты	Фактор 1 Либералы — консерваторы	Фактор 2 Коммунисты — антикоммунисты
Отношение к советскому прошлому (2016)	5	-5	0	-3	-2	-0,049	-1,057
Отношение к советскому прошлому (2021)	5	-5	2	-3	2	0,708	-0,335
Отношение к Сталину (2021)	5	-5	1	-3	1	0,472	-0,582
Отношение к Октябрю 1917 г. (2016)	5	-5	-4	-4	3	0,223	-1,117
Отношение к Октябрю 1917 г. (2021)	5	-5	-2	-4	-1	-0,155	-1,309
Увековечение памяти Сталина (2016)	5	-5	-2	-3	0	0,045	-1,093
Увековечение памяти Сталина (2021)	5	-5	-1	-2	1	0,341	-0,745
Отношение к разрушению СССР (2016)	-5	2	-1	-5	-1	-1,220	0,232
Отношение к разрушению СССР (2021)	-5	1	-4	-5	-3	-1,721	-0,490
Смена советских названий (2016)	-5	4	-3	3	1	-0,789	1,202
Смена советских названий (2021)	-5	5	-1	3	-2	-1,092	1,220
Отношение к Ленину (2016)	5	-5	-2	-2	1	0,246	-0,877
Отношение к Ленину (2021)	5	-5	-1	-3	1	0,282	-0,847
Недопустимость отождествления коммунистических и фашистских режимов (2016)	5	-5	5	4	1	1,261	0,662

Недопустимость огудного осуждения коммунистических и фашистских режимов (2021)	5	-5	5	5	5	5	5	5	1,888	1,220
Переименование Волгограда в Сталинград (2016)	5	-5	-3	-4	0	-0,108	-1,328			
Переименование Волгограда в Сталинград (2021)	5	-5	-1	4	1	0,693	-0,133			
Восстановление памятника Дзержинскому (2016)	5	-5	-2	-4	-2	-0,297	-1,424			
Восстановление памятника Дзержинскому (2021)	5	-5	-1	-1	2	0,541	-0,528			
Отношение к перестройке (2016)	-5	5	1	-5	-2	-1,372	0,669			
Отношение к перестройке (2021)	-5	5	-1	-5	-1	-1,419	0,518			
Фальсификация истории Западом (2021)	5	-5	5	5	4	1,746	1,106			
Отношение к Горбачеву (2021)	-5	5	-1	-5	-3	-1,703	0,290			
Преемственность РФ по отношению к СССР (2021)	5	-5	4	5	4	1,651	0,974			
Отношение к пакту Молотова—Риббентропа (2021)	5	-5	-1	3	0	0,492	-0,349			
Отношение к празднику День России (2021)	-5	4	3	3	4	0,205	2,339			
Перезахоронение тела Ленина (2021)	-5	5	-1	4	1	-0,607	1,664			
Отношение к ГКЧП (2016)	5	-5	-2	4	-1	0,314	-0,494			
Отношение к ГКЧП (2021)	5	-5	-1	5	1	0,751	-0,031			
Принятие закона об ответственности за пропаганду сталинизма (2016)	-5	5	-4	-1	0	-1,327	0,643			

Заключение

В политическом сообществе широко распространено мнение, что у нынешней власти нет идеологии. Даже если понимать под этим отсутствием определенного проекта развития страны хоть с каким-то теоретическим обоснованием, данное утверждение не вполне истинно, в том числе и по формальным критериям. Государственные мужи и «партия власти» во множестве производят документы, претендующие на соответствующий статус (другое дело, что даже разработчики этих документов прекрасно отдают себе отчет в их пустопорожности).

Тем более неправильно говорить о безыдейности власти, если видеть в идеологии прежде всего мифологию. Как мы попытались показать выше, мифы наиболее действенны, когда остаются имплицитными. Стоит их эксплицировать, и они, открываясь для критики, заметно теряют в убедительности для значительной части аудитории.

На протяжении почти всего постсоветского периода тема советского прошлого присутствовала в межпартийной дискуссии фрагментарно, в фоновом режиме, и сводилась в основном к противостоянию между коммунистами и остальной частью политического спектра («коммунисты против всех»). Тем не менее это противостояние оказывало существенное влияние на массовое политическое сознание. В 1990-х годах оно фактически занимало первую позицию, затем отошло на второе место.

С 2010-х годов на смену этому противостоянию пришло другое — «все против либералов», проявившееся и в ходе дискуссии по вопросам советского прошлого. Данное противостояние несло отпечаток иной мифологии — имперско-патриотической. Но эта мифология была слабо эксплицирована и на уровне политической повестки как щитом прикрывалась дискуссией относительно советского прошлого. Анализ этой повестки все так же отдает главную роль противостоянию между коммунистами и антикоммунистами (либералами), отводя второстепенную особую позицию ЛДПР, являвшейся наиболее крикливым носителем имперско-патриотической идеологии. Однако если абстрагироваться от деталей (путем объединения отдельных участников в крупные идейно-политические семьи), обнаруживается, что во второй половине 2010-х годов имперская и советская мифология, по сути, поменялись местами и вторая фактически прикрывала собою первую от внешней критики.

В какой-то мере это можно считать результатом тактики власти, предпочитавшей не ввязываться в открытые идеологические дискуссии, а действовать из-за кулис, выставляя на ринг других: коммунистов — за советскую мифологию, жириновцев — за имперскую. Это позволяло эксплуатировать ту и другую, не неся особых издержек. Критика советской мифологии была прежде всего по коммунистам, критика имперской — по ЛДПР. При этом, как показывает опыт кампании 2021 г., в качестве такого прикрытия власть предпочитала использовать именно советскую мифологию, а не более близкую ей имперскую.

Раздающиеся в последние два года призывы отвергнуть зафиксированный в Конституции отказ от государственной идеологии и закре-

пить в качестве таковой «патриотическую» или «консервативную» исходят в основном от второразрядных политических акторов вроде «Справедливой России — За Правду», Российской партии пенсионеров или «Родины». Сама власть этим призывам следовать не спешит. Возможно, именно потому, что осознает риски экспликации симпатичных ей мифов. Для нее безопаснее не делать из этих мифов догматы, а проводить их контрабандой, под видом критики либерализма и «коллективно-го Запада».

Впрочем, ситуация изменилась настолько, что превращение означенной мифологии в официальную идеологию стало почти неизбежным. Как это произойдет, мы узнаем, наверно, уже скоро.

Библиография

Гигаури Д.И. и В.А.Гуторов. (2017) «Политический миф в структуре исторической памяти» // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*, № 2: 24—45. URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/8245/> (проверено 14.03.2024).

Гончарик А.А. (2009) «Понятие мифа и его применение в исследованиях политики» // *Политическая наука*, № 4: 79—87.

Коргунюк Ю.Г. (2023) «Тематика советского прошлого в избирательных кампаниях постсоветской России» // *Полития*, № 1 (108): 88—125. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-88-125.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-88-125.pdf) (проверено 14.03.2024).

Лосев А.Ф. (2001) *Диалектика мифа*. М.: Мысль.

Малинова О.Ю. (2015) «Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 12—21. URL: https://mgimo.ru/files2/2015_07/up52/file_1461603bd457f1471ea69595901334ed.pdf (проверено 14.03.2024).

Мелетинский Е.М. (2008) «Миф и двадцатый век» // Мелетинский Е.М. *Избранные статьи. Воспоминания*. М.: РГГУ: 419—426.

Неклюдов С.Ю. (2000) «Структура и функция мифа» // Аймермахер К., Ф.Бомсдорф и Г.А.Бордюгова, ред. *Мифы и мифология в современной России*. М.: АИРО-XX: 17—38. URL: <https://web.archive.org/web/20211130141643/http://philologos.narod.ru/myth/nekludov.htm> (проверено 14.03.2024).

Топорков А.Л. (2003) *Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие*. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (проверено 14.03.2024).

Шестов Н.И. (2005) *Политический миф теперь и прежде*. М.: ОЛМА-ПРЕСС. URL: <https://dokumen.tips/documents/-557206ff497959fc0b8ba07a.html?page=4> (проверено 14.03.2024).

Bell D. (2003) «Mythscape: Memory, Mythology, and National Identity» // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 1: 63—81.

Bottici C. and B.Challand. (2006) «Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-fulfilling Prophecy» // *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no. 3: 315—336.

Gel'man V. and A.Obydenkova. (2024) «The Invention of Legacy. Strategic Uses of a „Good Soviet Union“ in Elite Policy Preferences and Film-making in Russia» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 57, no. 1: 1–24.

ПОЛИТИКА

Yu.G.Korgunyk
THE SOVIET PAST
AS MYTH AND AGENDA

Yury G. Korgunyk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS).
E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article attempts to look at the theme of the Soviet past through the lenses of the political myth making. According to the starting premise of the study, any ideology from the point of view of mass consciousness is first and foremost a set of myths. At the same time, the article assumes that myths are most effective when they remain implicit and impact mass consciousness by implication, rather than directly. When explicated, myths are subject to intensive criticism and become less persuasive for a significant part of the audience.

The author states that during almost the whole post-Soviet period, the topic of the Soviet past was present in the inter-party discussion more in the background and therefore acted mainly like mythology. The discussion around it largely resulted in the confrontation between the communists and the rest of the political spectrum (“communists against everyone”). In 1993–2003, that confrontation had a significant impact on mass political consciousness and occupied at least second place in its importance.

Since the 2010s, this confrontation has been replaced by another one e.g., “everyone against the liberals”, which also manifested in the discussion on the issues of the Soviet past. Bearing the imprint of the imperial-patriotic mythology, the new confrontation was not clearly explicit, and at the level of the political agenda it was camouflaged by the theme of the Soviet past. The transformation of the latter from a “myth” into an “agenda” put Soviet mythology under the fire of criticism, diverting attention from the imperial-patriotic mythology.

Keywords: political myths, Soviet past, political agenda, factor analysis, election campaigns

References

- Bell D. (2003) “Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity” // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 1: 63–81.
- Bottici C. and B.Challand. (2006) “Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-fulfilling Prophecy” // *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no. 3: 315–336.
- Gel'man V. and A.Obydenkova. (2024) “The Invention of Legacy. Strategic Uses of a „Good Soviet Union“ in Elite Policy Preferences and Film-making in Russia” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 57, no. 1: 1–24.
- Gigauri D.I. and V.A.Gutorov. (2017) “Politicheskij mif v strukture istoricheskoj pamjati” [Political Myth in the Structure of Historical Memory] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Ser. 12: Political Science], no. 2: 24–45. URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/8245/> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Goncharik A.A. (2009) “Ponjatie mifa i ego primenenie v issledovani-jakh politiki” [The Concept of Myth and Its Application in Political Studies] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 4: 79–87. (In Russ.)
- Korgunyuk Yu.G. (2023) “Tematika sovetskogo proshlogo v izbiratel'nykh kampanijakh postsovetskoj Rossii” [The Soviet Past Theme in the Electoral Campaigns in Post-Soviet Russia] // *Politeia*, no. 1 (108): 88–125. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-88-125.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-88-125.pdf) (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Losev A.F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. (2015) “Mif kak kategorija simvolicheskoi politiki: analiz teoreticheskikh razvilok” [Myth as a Category of Symbolic Politics: Analysis of Theoretical Junctions] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 12–21. URL: https://mgimo.ru/files2/2015_07/up52/file_1461603bd457f1471ea69595901334ed.pdf (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Meletinsky E.M. (2008) “Mif i dvadtsat' vek” [Myth and the Twentieth Century] // Meletinsky E.M. *Izbrannye stat'i. Vospominanija* [Selected Articles. Memories]. Moscow: RGGU: 419–426. (In Russ.)
- Neklyudov S.Yu. (2000) “Struktura i funktsija mifa” [The Structure and Function of Myth] // Eimermacher K., F.Bomsdorf, and G.A.Bordyugova, eds. *Mify i mifologija v sovremennoj Rossii* [Myths and Mythology in Modern Russia]. Moscow: AIRO-XX: 17–38. URL: <https://web.archive.org/web/20211130141643/http://philologos.narod.ru/myth/nekludov.htm> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Shestov N.I. (2005) *Politicheskij mif teper' i prezhde* [Political Myth Now and Before]. Moscow: OLMA-PRESS. URL: <https://dokumen.tips/documents/-557206ff497959fc0b8ba07a.html?page=4> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Toporkov A.L. (2003) *Mify i mifologija 20 veka: traditsija i sovremennoe vosprijatie* [Myths and Mythology of the 20th Century: Tradition and Modern Perception]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)